

Поѣздка въ чужіе края К. С. Аксакова *).

(Письма къ роднымъ).

XXI.

Лейпцигъ. 13/25 іюля 1838 г.

Такъ торопливо писалъ я, такъ много было разнообразныхъ хлопотъ и занятій у меня въ послѣдніе дни моего пребыванія въ Дрезденѣ, милые, дражайшіе родители мои, что я даже не поздравилъ Васъ въ другой разъ, моя милая маменька, со днемъ именинъ Вашихъ и Васъ также, милый мой отесенька, и всѣхъ моихъ милыхъ братьевъ и сестеръ, тогда какъ письмо начато отъ 2 іюля. Но теперь еще разъ поздравляю, милая моя маменька, и вспоминаю, какъ этотъ день проводили мы въ Богородскомъ, особенно въ 1836 году⁶⁵). И Васъ также, милый мой отесенька, и васъ также, милые мои братья и сестры, поздравляю еще разъ съ нашимъ общимъ семейнымъ праздникомъ.

Нынче пріѣхалъ я въ Лейпцигъ. Славный городъ; много и древняго строенія. Я видѣлъ надгробный памятникъ Геллертовъ⁶⁶). Оба брата схоронены вмѣстѣ, — и надъ ними простая доска съ простою надписью. За то вокругъ ограда испещрена именами. Посмотрю также монументъ его. Здѣсь, въ Лейпцигѣ, живетъ Марбахъ⁶⁷). У меня была мысль познакомиться

*) См. „Б. В.“ май 1916 г.

⁶⁵) Въ 1836 г. у Аксаковыхъ гостила Марія Григорьевна Карташевская, двоюродная сестра Константина Сергѣевича Аксакова (См. *предисловіе* къ его письмамъ).

⁶⁶) Христофоръ Геллертъ (ум. въ 1769 г.) — извѣстный нѣмецкій поэтъ и моралистъ. Пользовался въ свое время извѣстностью и у насъ.

⁶⁷) Освальдъ Марбахъ — нѣмецкій писатель (1810 — 1890).

съ нимъ; но кто знаетъ, какъ это онъ приметъ? Можетъ быть, это ему будетъ и неприятно.

Сейчасъ, милые, дражайшіе родители мои, былъ я въ книжной лавкѣ: все искалъ, нѣтъ ли нѣмецкихъ сочиненій о словѣ вообще или о законахъ общей грамматики. Искалъ, искалъ—и не могъ найти; впрочемъ, книгопродавцы обѣщали еще поискать мнѣ. Я спросилъ хотя нѣмецкую грамматику, но написанную извѣстнымъ человѣкомъ, — слѣдовательно, расположенную систематически. Мнѣ сказали, что лучшая грамматика—Гейзе. Я купилъ ее: совѣстно было, заставивъ ихъ такъ хлопотать, уйти, ничего не купивши; къ тому же еще грамматика будетъ мнѣ полезна для нѣмецкаго языка. Странное дѣло! Иногда я говорю по-нѣмецки такъ, что принимаютъ за нѣмца, что было уже нѣсколько разъ,—иногда двухъ словъ связать не умѣю. Это еще больше доказываетъ, въ какомъ тѣсномъ сродствѣ находится слово съ духомъ. Грамматика Гейзе совсѣмъ не такъ раздѣлена, какъ я думаю. Неужто у нѣмцевъ нѣтъ ничего о грамматикѣ вообще?

Нынче иду я въ театръ, милые, дражайшіе родители. Играютъ маленькую оперу *Петръ Великій*. Чуть ли не ту самую, которую видѣлъ и Карамзинъ нѣкогда. Мнѣ интересно взглянуть, какъ нѣмцы представляютъ русскихъ и какимъ является Петръ на ихъ сценѣ.

Я видѣлъ Университетъ—прекрасное зданіе.

Послѣ обѣда пойду опять въ книжную лавку, осмотрю еще нѣкоторыя достопамятности, и пойду въ 6 ч. въ театръ.

Завтра, можетъ быть, буду я писать и читать, — только, смотря по расположенію. Погода скверная: дождикъ и довольно холодно, а мѣсяць іюль!.

Уже билетъ взять, милые, дражайшіе родители, и завтра я отправлюсь въ Веймаръ, оттуда—въ Рудольфштадтъ, а тамъ, если можно прямо, такъ прямо, а то пробуду тамъ дня три, и — вдоль по Рейну; наконецъ, въ Швейцарію, въ Базель, оттуда въ Люцернъ и Бернъ. Если мнѣ понравится какое нибудь мѣсто около этихъ двухъ городовъ, я найму себѣ загородный домикъ или комнату въ загородномъ домикѣ,—и, наконецъ, буду у себя и расположусь. Вотъ стихи, которые написались у меня, милые, дражайшіе родители:

Далеко, далеко желанный пріютъ

Подъ темной, древесною тѣнью.

Тамъ тихо, тамъ волны такъ мирно идутъ,
 Покорны родному влеченью.
 И домикъ красивый стоитъ надъ рѣкой,
 Вдали, на краю небосклона.
 Высокія горы туманной грядой
 Земли опоясали лоно.
 И въ домикѣ комната. Солнце давно
 Съ полудня на западъ свернуло.
 Вотъ вечеръ спустился; раскрыто окно;
 Вотъ чѣмъ-то далекимъ дохнуло...
 И кресло, и столъ небольшой у окна,
 А въ комнатѣ—жизнь и движеніе,—
 И мысли и чувства—жилище она,
 И тихій пріютъ наслажденья.

Вотъ какъ представляется мнѣ мое уединеніе въ Швейцаріи.

Дай Богъ кончить мнѣ первую часть моей грамматики; тогда я бы смѣлѣе воротился и въ отношеніи къ тѣмъ людямъ, которые спросятъ: „ну, что привезли вы изъ своего путешествія?“

Несутся, мелькаютъ одно за другимъ
 Видѣнья въ неясномъ туманѣ,
 И сердце трепещетъ, и мчится въ слѣдъ имъ,
 И плачетъ о тяжкомъ обманѣ...
 Далеко... Но память сроднилась съ душой,
 И счастья былого мгновенья
 Живутъ и теперь благодатной семьей,
 Даруя мнѣ грусть въ утѣшенъе.

Вотъ сейчасъ нечаянно написались еще стихи, милые, дражайшіе родители мои. Сумрачно небо. Пасмурный день. О, если только пойдутъ мои занятія дома, то, я думаю, никогда не оставлю своего отечества, развѣ опять на короткое время. Дай Богъ, чтобы вы были здоровы, милые, дражайшіе родители, и, я думаю, въ октябрѣ или ноябрѣ я опять буду съ вами въ Москвѣ; это будетъ еще осень; вѣроятно, еще и снѣгу не будетъ. Итакъ я пріѣду къ вамъ изъ Петербурга еще въ лѣтнемъ дилижансѣ.

Сейчасъ отобѣдалъ—и былъ опять въ книжной лавкѣ. Тамъ нашли одно сочиненіе, которое мнѣ доставятъ вмѣстѣ

съ грамматикой. Я подписываюсь также на сочиненія Шиллера, которыя стоятъ 12 р. всѣ. Все это хорошо,—но какъ помѣщу я всѣ свои книги? По крайней мѣрѣ, кромѣ самыхъ необходимыхъ, не буду покупать до Любека.

Я видѣлъ старинную церковь, освященную самимъ Лютеромъ. Видѣлъ дворъ и погребъ Ауербаховъ, откуда, какъ говоритъ сказаніе, выѣхалъ Фаустъ верхомъ на бочкѣ. На стѣнахъ до сихъ поръ сохраняются старинныя картины, изъ которыхъ одна изображаетъ его въ этомъ положеніи, а другая—пирующимъ съ студентами. Тутъ же продаются табакерки съ отпечаткомъ этихъ двухъ картинъ,—нечего дѣлать, купилъ одну.

Сейчасъ сказалъ мнѣ лон-бединтеръ, что почта въ Москву отходить въ 8 час., въ 7 письмо должно быть тамъ, а въ 6 я иду въ театръ. Итакъ спѣшу докончить, милые, дражайшіе родители мои, это маленькое письмецо, въ которомъ только даю вѣсть о себѣ. Изъ Веймара, гдѣ надѣюсь быть чѣмъ свѣтъ послѣ завтра, напишу болѣе.

Въ Теплицѣ спросилъ я горячичную дѣвочку, которая оправляла намъ постели: умѣетъ ли она читать? Что же? Она удивилась моему вопросу и, какъ бы обидѣвшись, отвѣчала: „что жъ бы уже это было, еслибъ я и читать не умѣла? Я читаю по-нѣмецки и по-богемски“. — А, такъ вы богемка? „Да“. — Что же вы читаете? Знаете Шиллера? „Какъ же, я читала „Разбойниковъ“ и мелкія стихотворенія, только теперь у меня почти времени нѣтъ“. — Были вы въ Саксонской Швейцаріи? Тамъ прекрасно.—„Нѣтъ, но у меня есть описаніе, и съ видами, и потому я знаю ее“. — О, да вы очень образованы!

Въ самомъ дѣлѣ спросите любого мальчишку на улицѣ: умѣетъ ли онъ читать? И онъ вамъ преважно отвѣчаетъ: „Ja“.

Саксонцы учтивы чрезвычайно, но австрійскіе чиновники и вообще богемскіе нѣмцы —уже совсѣмъ не то.

Въ гостиницѣ, въ которой мы жили, былъ величайшій безпорядокъ (т. е. въ Теплицѣ).

Дороги скверныя. Едва переѣхали мы границу и вѣвзжали, на обратномъ пути, въ Саксонію, тамъ шоссе, и учтивыя чиновники таможни составили довольно ощутительную разницу съ Австрійскимъ Управленіемъ.

Вообще здѣсь ѣздятъ очень тихо, едва 7 верстъ въ часъ.

да и того часто не будетъ; но дороги здѣсь гораздо лучше. Вездѣ шоссе, и деревья, растущія по дорогамъ, образуютъ настоящія аллеи. Иногда липы, иногда ивы, райны, а иногда и вишни растутъ у дороги, и поселяне собираютъ съ нихъ плоды.

Уже полчаса шестого на моихъ.

Простите, дражайшіе мои родители. Когда-то я буду дома, вмѣстѣ съ вами, въ трудахъ, счастливо, если Богъ дастъ, проводить свою жизнь!

Прощайте, дражайшіе родители мои! Цѣлую ваши ручки и обнимаю васъ. Скучно, неприятно что-то мнѣ здѣсь, въ Лейпцигѣ. Прощайте еще разъ.

Обнимаю всѣхъ

Вашъ *Костенька*.

XXXII.

Изъ Рудольфштадта. 14/26 Іюля 1838 г.

Я—еще въ Лейпцигѣ, милые, дражайшіе родители, и, такъ какъ у меня есть время, то и пишу къ вамъ.

Вчера я былъ въ театрѣ. Мнѣ было такъ грустно, я былъ въ такомъ тяжеломъ расположеніи духа, что если еще нѣсколько такихъ вечеровъ, то я не знаю, какъ я выдержу здѣсь краткій срокъ своего пребыванія. Хотѣлось бы сейчасъ сѣсть и ѣхать домой, къ вамъ въ Москву, милый мой отесенька и милая моя маменька. Октябрь мѣсяць казался мнѣ такъ далекъ...

Грустно, очень грустно, тяжело было мнѣ вчера. Нынче поутру проснулся я бодрѣе, съ большою твердостью въ душѣ; но все же день возврата есть ожидаемый нетерпѣливо день, и я какъ можно скорѣе, какъ можно ближе его назначаю.

Если бы не такія обстоятельства, не эти слѣдствія 1836 года ⁽⁶⁸⁾, не эта апатія и вообще все состояніе моего духа, то я не знаю, поѣхаль-ли бы я.

Я самъ удивляюсь, съ какою твердостью и рѣшительностью пустился въ путь, и одно это уже доказываетъ мнѣ.

⁶⁸⁾ Намекъ на неудачную любовь. (См. предисловіе).

что путешествіе было необходимо,—и оно исполнилось: я—заграницей.

Польза путешествія для меня и теперь велика со всѣхъ сторонъ, не говоря уже про эту сторону, про внутреннюю жизнь моего духа, которая извѣстна вамъ, милые, дражайшіе родители мои. Конечно, странно будетъ казаться всѣмъ мое путешествіе, потому что никто не знаетъ внутреннихъ событій моей жизни. Но даже и съ другой стороны путешествіе мнѣ, очевидно, полезно. Я жилъ одинъ все это время; разумѣется, это имѣло вліяніе на мою самобытность: въ это время долженъ я былъ дѣйствовать и располагаться совершенно самъ. Все это очень важно. Потомъ, сколько новыхъ впечатлѣній принялъ я, которыя, разумѣется, не пройдутъ даромъ; потомъ даже не просто впечатлѣнія, но понятія составились у меня о чужихъ земляхъ. Я познакомился съ ними, съ ихъ жизнью, которая такъ не похожа на нашу. Наконецъ,—но эта польза впереди, — польза въ отношеніи моей любимой науки, моего предмета, которымъ буду заниматься я. Да, нужно было мнѣ уѣхать — я уѣхалъ, дѣло сдѣлано, и теперь мнѣ опять хочется возвратиться; самое желаніе это принимаю я за доказательство, что я могу, что мнѣ пора воротиться, — и не стану себя принуждать. Да, милые, дражайшіе родители мои, никакъ не останусь здѣсь, какъ кажется, далѣе октября. Москва, жизнь въ семействѣ, жизнь съ вами, милый мой, дражайшій отесенька, и милая моя дражайшая маменька, вотъ какую жизнь желаю я себѣ. Если и разставаться, то на время и не надолго, и занятія мои будутъ согласоваться совершенно съ такимъ образомъ жизни. Вы знаете, милые, дражайшіе родители, что еще такъ сильно меня занимаетъ и входитъ въ жизнь мою. Да, это святое чувство, это внутреннее родство, эта дружба душъ между мною и Машенькой. Какъ хотѣлъ бы я передавать Машенькѣ по прежнему свои мысли! Здѣсь пѣсколько разъ уже писалъ я и высказывалъ себя, мысленно говоря съ нею. Вы прочтете, милые, дражайшіе родители мои, эти записки. Слова Григорія Ивановича къ вамъ меня привели въ недоумѣніе: „такая переписка, какъ были разговоры“... Но разговоровъ почти не было, я говорилъ почти все съ нимъ, и это опредѣленіе для меня очень неопредѣленно. Я буду съ нимъ вполне откровененъ въ отношеніи къ этому. При сви-

даніи все скажу ему, чего не успѣлъ сказать въ Петербургѣ, и отношенія наши будутъ мнѣ ясны.

Вчера былъ я въ театрѣ; пьеса, кромѣ нѣкоторыхъ сценъ, довольно хороша: интересна и забавна; инныя сцены очень живы; есть, правда, фарсы; бургомистръ довольно ихъ употреблялъ въ своей роли, но, не смотря на это, игралъ недурно. Съ какимъ самодовольствіемъ пѣлъ онъ: „O ich bin Klug und weise!“ („О, я уменъ и мудръ!“). Актеръ, игравшій Петра, имѣлъ бы выгодную наружность для своей роли, но портилъ ее трагическими позами. Признаюсь, однако, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, не могъ я равнодушно смотрѣть, — особливо, когда онъ запѣлъ (про своихъ подданныхъ): „Ich führ sie zur Grösse, ich führ sie zur Licht“ („я веду ихъ къ величію, веду къ просвѣщенію“). Дѣйствіе въ Сардамѣ. Петръ, подъ именемъ Петра Михайлова, плотника, учится корабельному мастерству. Гюнтерь, игравшая молодую нѣмку, актриса съ прекраснымъ голосомъ и истиннымъ талантомъ; вообще нѣмецкіе актеры мнѣ нравятся: многіе такъ естественны, просты,—не то, что французы. „Петерь Ивановъ“, „Петерь Михайловъ“, такъ произносятся нѣмцы.

Былъ нынче же у книгопродавца и купилъ у него нѣмецкую большую грамматику, раздѣленіе которой выведено систематически, и „О началахъ языка“ Шадена; заплатилъ также за изданіе сочиненій Шиллера, изъ которыхъ три части получилъ, а остальные перешлютъ мнѣ, и, милые родители мои, это составило около 8 талеровъ. Книги эти нужны,—да какъ мнѣ ихъ укладывать? До сихъ поръ я ничего не платилъ за чемоданъ.

Что касается до моей филологіи, то надѣюсь, что дѣло пойдетъ: падежи у меня хорошо объяснились, а какъ опредѣлился звательный падежь!.. Прекрасно!

Обнимаю васъ.

Вашъ Костенька.

XXIII.

Веймаръ. 15/27 Іюля.

Знаете, гдѣ я былъ, что я видѣлъ сейчасъ, милые, дражайшіе родители? Я былъ, — вы догадываетесь, — я былъ у

гробовъ Шиллера и Гете... Вы знаете, что для меня Шиллеръ! Какъ тѣсно связанъ я съ нимъ! Все это почувствовалъ я живѣе здѣсь, въ этомъ городѣ. Когда же я подошелъ ко гробамъ Гете и Шиллера, то я не знаю, съ какимъ трепетнымъ наслажденіемъ, съ какимъ благоговѣйнымъ ужасомъ стоялъ я въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ихъ тѣлъ. Гете, Шиллеръ! Странное дѣло! Прежде всякій разъ, когда мнѣ говорили, что вотъ это гробъ такого-то великаго человѣка, у меня исчезала возможность чувствовать въ эту минуту, что я такъ близокъ отъ его праха, и я оставался равнодушнѣе; но здѣсь совсѣмъ другое. Когда подходилъ я къ мѣсту, гдѣ лежатъ Шиллеръ и Гете, я уже испытывалъ волненіе; у гробовъ ихъ въ полной мѣрѣ чувствовалъ я, у чьихъ гробовъ стою я. Потомъ видѣлъ я ихъ бюсты. Бюстъ Шиллера мнѣ не такъ понравился: на этомъ лицѣ выражается слишкомъ уже много безпокойства,—потому, я думаю, бюстъ этотъ не совсѣмъ вѣренъ. Совсѣмъ другое дѣло—бюстъ Гете. Какія формы, какое величіе! Это древняя статуя, и я принялъ было его за Аполлона или молодого Юпитера. Тутъ есть другіе бюсты Шиллера и Гете. Бюстъ Гете сдѣланъ Давидомъ; это настоящій Юпитеръ! Я увидѣлъ какую-то надпись золотыми буквами, подхожу: стихи Шиллера, и какіе стихи! Здѣсь получили они еще особенное значеніе. Вотъ эти стихи, они такъ идутъ къ бюсту Гете:

„Блаженъ, кого боги еще до рожденья любили,
Кого въ дѣтствѣ Венера качала въ объятыхъ своихъ,
Кому Гермесъ уста, а Фебъ отверзъ быстрые очи
И могущества знакъ Зевесъ на чело положилъ“.

Возлѣ — бюстъ Шиллера, мраморный бюстъ; тутъ уже нѣтъ безпокойства на его лицѣ, тутъ выражается только это стремленіе, эта безпредѣльная любовь. Подъ бюстомъ—стихи Гете къ Шиллеру; жаль, что я не помню ихъ.

Итакъ нынѣшнее утро я провелъ очень пріятно. Я прочелъ Шиллера. Какъ хорошо! Прежде я не зналъ этой пьесы. Я видѣлъ также шлафрокъ Гете,—рясу Лютера и колетъ Густава Адольфа, въ которомъ онъ былъ убитъ. Тутъ былъ рыцарскій шлемъ, который я надѣлъ на себя съ большимъ удовольствіемъ; наконецъ, это настоящій рыцарскій шлемъ, съ забраломъ, какъ слѣдуетъ.

Бду въ Рудольфштадтѣ сейчасъ, дражайшіе родители мои. Письмо это пойдетъ оттуда, я думаю. Итакъ, прощайте пока. дражайшіе родители! Крѣпко, крѣпко обнимаю васъ и цѣлую ваши ручки.

Рудольфштадтѣ.

Я видѣлъ также въ Веймарѣ дворецъ, и замѣчательны тамъ для меня только двѣ комнаты: одна, въ которой сидѣвали обыкновенно Шиллеръ и Гете, а другая—совершенно въ готическомъ вкусѣ; тамъ стоитъ вооруженіе герцога Берггуда, надѣтое на статую. Эта комната прекрасна: ее убрали Шиллеръ и Гете. Оттуда воротился я домой.

Дяденька Григорій Ивановичъ ⁶⁹⁾ при разставаньи говорилъ мнѣ: „пишите къ намъ, напишите письма два, три“. Я и не хотѣлъ писать часто. Написавъ изъ Берлина, рѣшился было отправить второе письмо изъ Франкфурта на Майнъ; но мысль, что мои письма читаетъ и Машенька, что это, вѣрно доставляетъ ей удовольствіе, что она огорчится моимъ долгимъ молчаніемъ, эта мысль заставила меня перемѣнить мое намѣреніе. Возвратившись домой, я сѣлъ и написалъ письмо къ дяденькѣ и тетенькѣ. Я имъ писалъ, что видѣлъ, и, какъ первое выраженіе, тамъ слова мои полнѣе и болѣе высказаны. Я написалъ также дяденькѣ, что я не оставусь года въ чужихъ краяхъ и что осенью вернусь домой. Еще не кончивъ письма, увидаль я, что оно такъ дурно написано, что если я хочу, чтобы его прочли безъ тяжкаго труда, то мнѣ должно переписать его; я такъ и сдѣлалъ, и посылаю вамъ, дражайшіе родители мои, черновой листочекъ.

Я нанялъ лонкучера до Рудольфштадта и въ половинѣ пятаго отправился туда. Веймаръ понравился мнѣ вообще: учтивый народъ, хорошій городъ, воспоминанія—все это очень расположило меня къ нему, и когда, начавъ разговоръ съ лонкучеромъ, я сказалъ ему, что въ Веймарѣ есть то, чего нѣтъ во всей Германіи, это ему было очень пріятно. Онъ видѣлъ Гете и Наполеона во время Іенской битвы.

Поздно уже пріѣхалъ я въ Рудольфштадтѣ. Въ гостиницѣ отвели мнѣ довольно плохую комнату, гдѣ я и переночевалъ;

⁶⁹⁾ Григорій Ивановичъ Карташевскій, отецъ Маріи Григорьевны Карташевой (см. *предисловіе*).

но теперь, напротивъ, сижу я въ чистой, хорошенькой комнатѣ. Сейчасъ пойду на почту, чтобы взять билетъ въ diligансъ во Франкфуртъ на Майнъ. Когда-то буду я въ комнаткѣ хорошенькой и небольшой, гдѣ-нибудь около рѣки или озера въ Швейцаріи! Сейчасъ взялъ билетъ, но только до Готы; тамъ опять придется брать до Франкфурта: это довольно скучно!

Рудольфштадтъ лежитъ подъ горой, на которой стоитъ замокъ; комната моя выходитъ на рынокъ, на которомъ толпится народъ. Еще рано, и потому я еще не былъ у Ранке ⁷⁰⁾, съ которымъ познакомился, о чемъ, кажется, я вамъ уже писалъ, милые, дражайшіе родители. Лейпцигъ мнѣ не понравился, но это можетъ быть потому, что я былъ въ дурномъ расположеніи духа.

Нынче—16 іюля. Вы всё теперь вмѣстѣ, милые, дражайшіе родители мои: братья и сестры—вокругъ васъ. Но придетъ октябрь, и я возьму мѣсто на Рейнскомъ пароходѣ, выйду на берегъ въ Кельнъ, я думаю, и скоро, скоро поскачу обратнымъ путемъ въ Россію.

Давно не получаю отъ васъ извѣстій, милые родители. Здоровы ли вы? спокойны ли? О, дай Богъ только, чтобы вы были здоровы, а спокойны вы быть можете; повѣрьте, что я берегу себя, хотя это и не нужно: дождикъ идетъ—и я задвигаю занавѣски у коляски; холодно—я крѣпко укутываюсь въ свою шинель и поднимаю свой воротникъ. Здоровъ я совершенно. Мнѣ досадно, что я ѣду покойнѣе, нежели какъ бы могъ. Впрочемъ, для меня самое скучное въ этой ѣздѣ—ѣхать съ незнакомыми людьми: одному пріятнѣе гораздо. Если я поселюсь на два мѣсяца около Люцерна,—можетъ быть, недалеко отъ озера,—то стану тамъ удить непрерывно, и буду писать вамъ, милый мой отесенька, какъ, сколько и какую рыбу стану выуживать ⁷¹⁾. Сомнѣваюсь даже, поѣду ли во Францію, а ежели поѣду, то не болѣе, какъ на недѣлю. Что успѣю я увидѣть въ такое короткое время? Если занятія мои пойдутъ хорошо, то, вѣроятно, до самаго дня отъѣзда не оставлю я своего домика. Несмотря на то,

⁷⁰⁾ Леопольдъ фонъ Ранке—извѣстный нѣмецкій историкъ (1795—1886 г.).

⁷¹⁾ Сергѣй Тимофеевичъ Аксаковъ былъ, какъ извѣстно, большой любитель рыбной ловли.

что я нагрузился, съ меня не берутъ еще штрафа за чемоданъ. Какъ я умѣю укладываться, еслибы вы знали, милые, дражайшіе родители! Но, пріѣхавъ, все подробнѣе расскажу.

Одно, что я замѣтить могъ особенно, это, что здѣсь много занимаются Россіей. Иные смотрятъ такъ, иные иначе, но вообще здѣсь это—предметъ интересный. Что прежде писалъ я о Пруссіи, то и теперь могу повторить.

Я привыкъ нѣсколько къ нѣмецкой жизни, которая нѣсколько видоизмѣняется при переходѣ изъ одного государства въ другое. Вездѣ почти встрѣчаю я, если хожу рано поутру по городу, мальчиковъ и дѣвочекъ съ книжками и аспидными досками,—вѣроятно, идущихъ въ школу; читать умѣеть всякій; по крайней мѣрѣ, мнѣ ни разу не случилось встрѣтить не умѣющаго; одинъ лон-кучеръ (кажется) отвѣчалъ мнѣ, что это только старики не умѣютъ читать, но что молодое поколѣніе все знаетъ грамоту, и что большая рѣдкость встрѣтить между ними безграмотнаго.

Да, образованіе проникло во всѣ сословія Германіи, и это самый лучший путь впередъ. Но оно не можетъ дать ей того, чего она не имѣетъ... Жизнь политическая также не существуетъ для нея. Люди историческіе становятся интересными для Германіи тогда, когда сходятъ со сцены, когда настаетъ для нихъ потомство. Не замѣченный поэтами и учеными Германіи шель Наполеонъ; Фихте и знать не хотѣлъ, кто и зачѣмъ бомбардируетъ городъ, въ которомъ онъ читалъ свои лекціи; великія современныя событія не отразились ни въ одномъ стихотвореніи Шиллера, исключая „На новое столѣтіе“, гдѣ онъ говоритъ только, что борются двѣ великія націи и что негдѣ найти убѣжища, кромѣ собственнаго сердца. Но Наполеонъ совершилъ свой путь, онъ—достояніе исторіи,—и вотъ нѣмецъ обращается къ нему со всѣмъ вниманіемъ, со всѣмъ жаромъ ученаго, видитъ въ немъ одно изъ необходимыхъ явленій міровой жизни, и объясняетъ это явленіе по законамъ вѣчнаго Разума; тамъ, гдѣ кончается энтузіазмъ француза, начинается энтузіазмъ германца. Пруссія и Австрія какъ бы противорѣчатъ нѣсколько общности этого заключенія о Германіи; но, мнѣ кажется, и это можно согласить. Впрочемъ, довольно объ этомъ.

Я не пишу почти записокъ, милые, дражайшіе родители мои: письма мои къ вамъ замѣняютъ мнѣ ихъ.

Отсюда пошлю это письмо. Вѣроятно, не удастся мнѣ писать до Франкфурта.

Прощайте, милые, дражайшіе родители. Ахъ, когда-то поѣду назадъ, въ Москву, къ вамъ! Октябрь назначилъ я срокомъ. Быть можетъ, поѣхалъ бы я и нѣсколько раньше, но, проѣзжая черезъ Петербургъ, хотѣлось бы мнѣ хоть разъ провести тамъ первое ноября ⁷²⁾, если, впрочемъ, это еще будетъ пріятно дяденькѣ и тетенькѣ. Но, быть можетъ, я поѣду и раньше.

Прощайте пока, дражайшіе, милые родители. Цѣлую ваши ручки, крѣпко обнимаю васъ. До Франкфурта, гдѣ я надѣюсь получить кучу писемъ! Прощайте еще разъ, милые родители мои. Еще разъ обнимаю васъ крѣпко.

Вашъ Костенька.

Когда-то я буду къ вамъ, въ Москву!

XXIV.

Лейпцигъ, 14/26 іюля 1838.

(*Приписка сверху*). Обнимаю братьевъ и сестеръ и цѣлую.

Милая сестра Вѣра! Наконецъ, я нашель время написать къ тебѣ нѣсколько строкъ. Благодарю за твои письма, которыя мнѣ очень пріятно читать и на которыя до сихъ поръ не отвѣчалъ, хотя и давно хотѣлъ отвѣчать тебѣ.

Отвѣчаю сначала на письмо, полученное въ Берлинѣ.

Невѣрны всѣ предположенія, и мнѣ отчасти смѣшно, отчасти стало досадно, когда я прочелъ многія твои предположенія о поступкахъ дяденьки Григорія Ивановича. Напротивъ, онъ дѣйствовалъ совершенно откровенно, и я противъ него много былъ виноватъ. Мнѣнія его многія отстали отъ вѣка (даже странно было бы и упрекать его за это), но за то онъ готовъ выслушать и новую мысль, чему я видѣлъ въ послѣдній разъ доказательства; со мною же онъ поступалъ, какъ родной, и объясненіе мое было совершенно откровенно. Кто знаетъ, можетъ быть, много еще горя впереди, и горе это будетъ, можетъ быть, отъ него, но я не перемѣню своего

⁷²⁾ 1 ноября было, кажется, днемъ рожденія Маріи Григорьевны Карташевской.

мнѣнія о теперешнихъ его поступкахъ, и, что бы ни было скорѣе стану извинять, нежели обвинять его. Нѣтъ, тутъ и ошибаться нельзя: я видѣлъ искренность—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, и эта искренность заслуживаетъ такую же съ моей стороны. Вспомни, что всѣ объясненія были съ тетенькой, что, вѣроятно, даже обижало его, какъ справедливо замѣтилъ Гриша ⁷³⁾.

Теперь, перечитавъ письмо твое, я не могъ не улыбнуться, видя, какъ у тебя явилась цѣлая система, чтобы объяснить всѣ дѣйствія Машеньки. Нѣтъ, милая сестра, ты ошибаешься. Я не сомнѣваюсь въ чувствахъ Машеньки, но поступки ея многія не умѣю объяснить. Все твое объясненіе невѣрно. Несмотря на письмо, много мнѣ осталось говорить еще при свиданіи, при возвращеніи въ Москву, котораго, признаюсь, жду нетерпѣливо. Тяжело мнѣ бываетъ. Ивану я прочелъ или далъ прочитать только первое письмо; онъ прежде говорилъ съ Гришей, да и въ первый день слишкомъ ⁷⁴⁾ я былъ полонъ ощущеній, чтобы не передать ихъ кому-нибудь. Иванъ только что молодъ или лучше малъ, да благоразуменъ еще—вотъ двѣ бѣды...

Второе твое письмо грустно мнѣ было, милая сестра. Вообще, когда я получаю письма, мнѣ становится такъ грустно; Увѣренія твои опять ошибочны. Нѣтъ, точно Машенька не видала, не поняла моего положенія, и я нисколько не виню ея за это; повторяю: въ чувствахъ ея я не сомнѣваюсь. Мы бродимъ въ такомъ туманѣ, все загадки, сколько не объяснено!... О, что касается до срока моего здѣсь пребыванія, то онъ будетъ какъ можно короче, и теперь я долженъ удерживать себя: мнѣ и до октября кажется долго. Можетъ быть, я бы пріѣхалъ и раньше недѣлю; но хотъ разъ въ жизни хотѣлось бы мнѣ провести 1 ноября ⁷⁵⁾ тамъ, въ Петербургѣ, а 2 ноября сѣсть въ дилижансъ. О, когда я буду вмѣстѣ съ отесенькой, съ маменькой, со всѣми вами, въ Москвѣ! Вчера безпрестанно думалъ я объ этомъ, и мнѣ было такъ грустно! Цѣлую ручки у милаго отесеньки и милой маменьки. Крѣпко, крѣпко обнимаю ихъ и тебя, милая сестрица, и всѣхъ моихъ

⁷³⁾ и ⁷⁴⁾ Григорій Сергѣевичъ и Иванъ Сергѣевичъ Аксаковы—братья Константина Сергѣевича.

⁷⁵⁾ См. примѣчаніе 72.

добрыхъ братьевъ и сестеръ. При разставаніи Григорій Ивановичъ сказалъ: „напишите письма два“. Я было не хотѣлъ писать до Франкфурта, но, думаю, напишу изъ Веймара. Прощай, милая сестра,

Другъ и братъ *Константинъ Аксаковъ*.

Пора укладываться.

XXV.

Веймаръ, 15/27 іюля 1835 г.

Милый мой дяденька и милая тетенька!

Вотъ уже я—въ Веймарѣ.

Уже давно все чужое вижу и слышу вокругъ себя; много новаго, много замѣчательнаго видѣлъ я съ тѣхъ поръ, какъ писалъ вамъ изъ Берлина, милый дяденька, и милая тетенька. Но оставляю все, чтобъ говорить о томъ, что сейчасъ было передъ моими глазами и что сильнѣе всего подѣйствовало на мою душу.

Сейчасъ стоялъ я у гроба Шиллера, Шиллера... Боже мой, какое важное, великое значеніе имѣеть для меня это имя! Со сколькими другими душами соединяетъ оно меня! Сколько разъ, читая его стихотворенія, испытывалъ я святое, глубокое наслажденіе! Это были такія минуты, которыя очищаютъ, возвышаютъ душу. Съ пятнадцати лѣтъ уже я зналъ его, въ немъ находилъ я удовлетвореніе потребности истинной духовной жизни, которую Богъ вложилъ въ меня. И жизнь моя становилась полнѣе и прекраснѣе и развивалась болѣе и болѣе, стремясь все впередъ и впередъ. Шиллеръ! какая чистая, пламенная душа! какъ полно любви было его сердце, любви, про которую говорило намъ Евангеліе, святой любви христіанской!.. И я—въ Веймарѣ! тамъ, гдѣ жилъ онъ; я иду туда, гдѣ похороненъ, гдѣ лежитъ онъ, опъ—Шиллеръ! Мы пошли мимо его дома, но, по смерти вдовы, домъ этотъ купленъ и передѣланъ. Приятное чувство наполнило меня, когда я вошелъ въ ограду кладбища; это—садъ прекрасный: розы, деревья, и межъ нихъ мелькають кресты. Смерть теряетъ свой страшный образъ, душа не пугается могилы, жизнь примиряется со смертью. Въ первый разъ, можетъ быть, испыталъ я это чувство на кладбищѣ. Но обѣимъ сторонамъ часть луга еще пуста и ожидаетъ своихъ обитателей, которые, вѣрно, не замедлятъ явиться. Покой невозмутимый — вотъ удѣлъ ихъ! Съ тихимъ чув-

ствомъ смотрѣлъ я вокругъ себя, а назадъ тому день мысль о смерти тяжело волновала меня. Наконецъ, подошли мы къ каменному строенію, вошли въ него, спустились въ подземелье, и я подошелъ къ рѣшетчатому желѣзному окну. „Вотъ Гете, вотъ Шиллеръ“, сказали мнѣ. Съ нѣкоторымъ ужасомъ почувствовалъ я близость къ себѣ прака этихъ двухъ великихъ людей.

— Они здѣсь?—спросилъ я.

— Да, они набальзамированные лежатъ въ гробахъ.

Долго стоялъ я тамъ. Шиллеръ, Шиллеръ, вотъ два шага отъ меня то тѣло, тотъ бранный образъ, который наполнялся такою безконечною жизнью, глаза блистали не браннымъ, не переходящимъ свѣтомъ; мысль, любовь, безконечное, бессмертное выражалось въ нихъ, голось звучало, чело поднималось такъ высоко и благородно, всѣ движенія говорили о внутренней жизни, весь образъ былъ прекрасенъ. Вотъ, подлѣ меня, это виѣшнее, переходящее выраженіе бессмертной жизни, эти останки, освященные душой, въ нихъ обитавшею. Вы понимаете мое состояніе!

Рядомъ съ Шиллеромъ лежалъ Гете. Недавно отбросилъ я рѣшительное мое предубѣжденіе противъ него, и онъ явился мнѣ величественъ и глубокъ! и онъ лежалъ тутъ же, рядомъ съ Шиллеромъ. Я прочелъ двѣ надписи, два великихъ имени: Göthe, Schiller. Довольно долго стоялъ я тамъ одинъ, съ полнымъ сердцемъ, и пошелъ, наконецъ, чтобы видѣть бібліотеку, гдѣ стоятъ ихъ бюсты. Я видѣлъ, что бюсты сняты съ нихъ самихъ; смотрѣлъ на черты Шиллера: на его лицѣ, худомъ, но прекрасномъ, видно стремленіе, какое—то безпокойство. Я обернулся: противъ него былъ бюстъ Гете; тутъ, напротивъ, совершенное спокойствіе и величіе; я подумалъ, что это Аполлонъ Бельведерскій. Но этотъ бюстъ снятъ еще съ молодого Гете и обдѣланъ по древнему.

(Письмо безъ конца. Черновикъ).

XXVI.

Страсбургъ. На конвертъ: 4 августа нов. ст. 1838 г. Въ письмѣ числа и года нѣтъ.

Приписка сверху.

До Базеля, дражайшіе мои родители! Не сердитесь на

меня за беспорядочное торопливое письмо, такъ плохо написанное.

Я началъ писать къ вамъ большое письмо, милые, дражайшіе родители, изъ прекраснаго Майнца, который мнѣ очень понравился. Много, много могъ бы я написать вамъ, но, такъ какъ хочу ѣхать нынче, то долженъ отложить до времени большое письмо, которое я началъ и буду продолжать къ вамъ дорогой.

Передо мною Рейнъ. Вчера вечеромъ онъ утихъ совершенно, и корабли, берега, небо — все отражалось въ немъ. Теперь утро; изъ моего окошка—прекрасный видъ на Рейнъ; окна обращены на востокъ, къ Россіи... Вчера ходилъ я по берегу Рейна, долго ходилъ и думалъ. Потомъ пошелъ ходить по улицѣ, и встрѣтилъ множество народа, который смотрѣлъ съ великимъ любопытствомъ на то, какъ человекъ 40 прусскихъ солдатъ маршировали и учились ружейнымъ приемамъ.

Вчера же видѣлъ я монументъ Гуттенберга, мѣсто, гдѣ былъ его домъ и гдѣ также стоитъ небольшой монументъ съ прекрасною надписью, которая есть у Боткина ⁷⁶⁾.

Во Франкфуртѣ я провелъ время предосадно по милости нѣмецкаго порядка, отъ котораго вышелъ ужасный беспорядокъ нѣмецкой медленности. Тамъ, противъ моего ожиданія, не получилъ я ни одного письма отъ васъ,—что меня очень огорчило. Я отдалъ свой адресъ, чтобы мнѣ пересылали письма; но мнѣ кажется, что это все невѣрно. Напишу письмо содержанию гостиницы или почтмейстеру.

Станкевича ⁷⁷⁾ тоже не нашель, хотя онъ долженъ быть тамъ, потому что я не нашель его въ Висбаденѣ, гдѣ пробылъ тоже недолго. Тамъ встрѣтилъ я француза, который остался въ Висбаденѣ и просилъ меня подождать до нынѣшняго вечера; я сказалъ, что „да“, но, вѣроятно, на этотъ разъ не сдержу своего слова; къ тому же французъ сказалъ, что онъ, можетъ быть, не пріѣдетъ,—слѣдовательно, я могу прождать напрасну. Кромѣ того, я узналъ, что пароходъ

⁷⁶⁾ Василій Петровичъ Боткинъ—авторъ „Писемъ объ Испаніи“.

⁷⁷⁾ Николай Владиміровичъ Станкевичъ—основатель знаменитаго кружка тридцатыхъ годовъ.

ходить только до Страсбурга, что очень досадно, такъ какъ я долженъ проѣхать дальше, а ждать времени не имѣю.

Я все тороплюсь, все спѣшу. Ахъ, Боже мой, когда-то буду я на мѣстѣ, получу отъ васъ, дражайшіе родители мои, письма и буду аккуратно получать ихъ!

Сейчасъ лон-бединтеръ возьметъ мнѣ билетъ на второе (лучшее) мѣсто. Осмотрю еще нѣсколько Майнцъ, а можетъ быть и вовсе не осмотрю: я увижу еще его на возвратномъ пути. И на пароходъ — и далѣе. Я спокойнѣе, когда ѣду.

Франкфуртъ, Висбаденъ и Майнцъ носятъ уже на себѣ общій отдѣльный характеръ. Здѣсь уже чаще попадаются черные волосы и глаза, смуглыя и живыя лица, и я не знаю, почему именно, но движеніе на улицахъ, жизнь имѣетъ здѣсь какой—то особенный отпечатокъ, который отдѣляетъ эти города отъ прочихъ городовъ Германіи. Какія прекрасныя лица видѣлъ я здѣсь!

О, милые, дражайшіе родители мои, не сердитесь, что письмо мое коротко и вообще всѣ письма небрежны: я почти постоянно спѣшу.

Вчера встрѣтилъ двухъ нѣмцевъ, которые съ удовольствіемъ узнали, что я—русскій.

Сейчасъ взялъ билетъ, милые, дражайшіе родители мои, и написалъ французу извинительное письмо. Скоро 10 часовъ, — итакъ, мнѣ осталось полтора часа пребыть здѣсь. Идетъ дождь, нельзя осматривать городъ, самое лучшее теперь—ѣхать на пароходъ въ прекрасной каютѣ. Завтра вечеромъ я въ Страсбургъ; послѣ завтра надѣюсь быть въ Базелѣ. Тамъ возьму денегъ у банкира и, вѣроятно, скоро поѣду въ Люцернъ, гдѣ недалеко отъ Фирвальдштетскаго озера найму себѣ комнату, и такимъ образомъ исполнится мое давнишнее желаніе, и среди прекрасной природы, въ уединеніи, мирѣ, тишинѣ улягутся, примутъ настоящее опредѣленіе всѣ впечатлѣнія, и вообще вся внутренняя жизнь, надѣюсь, прояснится, опредѣленнѣе, явственнѣе; я узнаю самъ себя короче, и трудъ живо пойдетъ;—но въ октябрѣ я поспѣшу назадъ.

Да, милые, дражайшіе мои родители, во всѣ эти послѣдніе дни моего путешествія все такъ смутно было въ головѣ моей. Въ Базелѣ надѣюсь получить письма отъ васъ; отъ самаго Дрездена не имѣю никакого извѣстія. Пишите те-

перь въ Люцернѣ, милые, дражайшіе родители мои. Какъ грустно мнѣ было въ одну ночь въ Рудольфштадтѣ! Теперь, минутами, подступаетъ ко мнѣ тоска. Но я такъ спѣшу, тороплюсь эти дни, что иногда не могу ни о чемъ думать. Въ Люцернѣ отдохну. А въ Москвѣ, наконецъ, будетъ уже для меня настоящій, полный отдыхъ.

Я здоровъ, время теплое, будьте же спокойны, дражайшіе мои родители. Что ваше здоровье, милый мой отесенька? Иногда мнѣ приходила въ голову мысль: „Господи! дакто-жъ мнѣ велѣлъ пуститься въ такой путь?“

Я встрѣтилъ много добрыхъ нѣмцевъ, которые съ лаской принимали меня. Съ радостью вижу я, что Шиллеръ не только не теряетъ, но все болѣе приобретаетъ влияния въ Германіи; ни одинъ нѣмецъ не произноситъ равнодушно его имени; это такая живая, сердечная любовь! Надо было глядѣть на ихъ лица, когда они говорятъ о немъ; многіе не понимаютъ всей глубины его поэзіи; но это не люди, нѣтъ; иные, если не ясно, то тайно чувствуютъ жизнь, поэзію въ его стихотвореніяхъ, хотя и не сумѣютъ объяснить своего собственнаго чувства.

Но прощайте, дражайшіе родители, не грустите, будьте спокойны. Дай Господи, чтобъ вы всѣ были здоровы; не беспокойтесь обо мнѣ; изъ Базеля вы получите отъ меня большее письмо и не такое беспорядочное, какъ это. Я купилъ полбутылки дешеваго рейнъ-вейна, который подливаю себѣ въ воду, какъ въ Москвѣ. Вы видите, милые, дражайшіе родители, что я исполняю и прихоти свои. Но прощайте еще разъ. Пишу такъ скверно, тороплюсь; еще надо писать къ почтмейстеру.

Сейчасъ взглянулъ въ окно: какъ хорошъ Рейнъ! Какъ хорошо лежитъ Майнцъ!

Прощайте, дражайшіе родители мои. Уже августъ у нѣмцевъ! Я потерялъ много времени, и потому спѣшу. Надѣюсь, что червонецъ моихъ станетъ до Базеля. Крѣпко цѣлую ваши руки, милые, дражайшіе родители. Крѣпко, крѣпко обнимаю васъ.

Вашъ Костенка.

Приписка сбоку. Сейчасъ пишу къ почтмейстеру. Обнимаю братьевъ и сестеръ.

XXVII.

Изъ Базеля. Франкфуртъ на Майнѣ ⁷³⁾.

Нынче по-утру пріѣхалъ я сюда, милые, дражайшіе родители, и не располагаюсь здѣсь долго оставаться, какъ потому, что спѣшу въ Швейцарію, такъ и потому, что у меня, вѣроятно, станетъ денегъ только до Базеля. Я ошибся въ своемъ разчетѣ; впрочемъ, раза два-три съ меня взяли лишнее. Однако, если Станкевичъ здѣсь, то я пробуду, можетъ быть, день-другой съ нимъ. Сейчасъ по пріѣздѣ послалъ я на почту, надѣясь получить много писемъ изъ Москвы; но лон-бединтеръ еще не возвращался,—досадно очень. Я остался теперь въ нерѣшимости. Если Станкевича нѣтъ, то я поѣду немедленно въ Висбаденъ, чтобы тамъ съ нимъ увидѣться, если же его и тамъ нѣтъ, то завтра же беру мѣсто на пароходѣ до Базеля, оттуда—прямо въ Люцернъ.

Съ самаго Дрездена, милые родители мои, не получалъ я отъ васъ извѣстія; но во всѣхъ городахъ оставлялъ я на почтѣ свой адресъ, чтобы пересылать ко мнѣ всѣ полученные на мое имя письма. Последнее мое письмо было писано изъ Рудольфштадта, гдѣ я надѣялся пробыть нѣсколько часовъ, не болѣе, и взялъ уже билетъ въ дилижансѣ прямо на Готу. Вотъ уже болѣе 4 часовъ, какъ я послалъ лон-бединтера, и онъ до сихъ поръ не возвращался; постигнуть не могу, что это значить. Ни писемъ, ни вѣсти! Какъ несносно! Какую досаду это на меня наводитъ!

Ну, хороша во Франкфуртѣ гостиница! Я бы имѣлъ теперь время описывать вамъ предъидущее мое путешествіе, милые, дражайшіе родители, но я въ такомъ непріятномъ расположеніи духа, что не могу теперь съ удовольствіемъ писать. Дѣло сдѣлалось преглупо, а все отъ нѣмецкаго порядка, отъ котораго вышелъ ужасный беспорядокъ. Вотъ, милые, дражайшіе родители, какія остановки! Лон-бединтеръ давно возвратился и, увидя въ передней ключъ отъ моей комнаты, заключилъ, что меня дома нѣтъ, но, какъ человѣкъ забот-

⁷³⁾ Число мѣсяца и годъ въ письмѣ, въ виду его спѣшности, не представлены. По содержанію его оно должно быть отнесено къ двадцатымъ числамъ іюля 1838 г. Написано письмо во Франкфуртѣ на Майнѣ и отправлено изъ Базеля.

ливый, онъ нѣсколько разъ приходилъ посмотрѣть, тутъ-ли ключъ, и, видя, что онъ все на своемъ мѣстѣ, удивлялся что я такъ долго не возвращаюсь. Въ иностранныхъ земляхъ обычай: когда уходишь, отдавать ключъ хозяину. Но мнѣ не принесли вовсе ключа, какъ бы слѣдовало, а потому и вышелъ такой безпорядокъ. Наконецъ, потерявъ все терпѣнiе, я рѣшилъ идти на почту освѣдомиться и ѣхать, спросилъ счетъ, расплатился и сказалъ, что лон-бединтеръ выводитъ меня изъ терпѣнiя своимъ долгимъ отсутствiемъ. Слуга пошелъ справиться и узналъ, что лон-бединтеръ здѣсь давно.

Тотъ явился, я съ досадою сталъ ему выговаривать, а онъ меня увѣрялъ, что меня не было дома; наконецъ, мы объяснились. Я спросилъ о письмахъ и, къ огорченiю и удивленiю моему, узналъ, что писемъ нѣтъ; не понимаю! неужто я опередилъ ихъ? Впрочемъ, можетъ быть, я просилъ адресовать письма въ Базель. Неужто и тамъ ничего не получу? Я послалъ еще на почту лон-бединтера, но онъ воротился опять съ отрицательнымъ отвѣтомъ. Я отдалъ ему адресъ, куда пересылать письма. О Станкевичѣ онъ ничего не узналъ, и я отправляюсь сейчасъ въ Страсбургъ. Пароходъ уже уѣхалъ. Лон-кучеръ проситъ 4 гульдена (9 руб. 20 коп.) за 31 слишкомъ версту, безсовѣстный! Нечего дѣлать; не хочу оставаться въ этой досадной гостиницѣ. Завтра постараюсь самъ узнать о Станкевичѣ; если нѣтъ, то завтра же — въ Майнцъ и на пароходъ. Должно освѣдомиться, когда, какъ и за какую цѣну можно отправиться на пароходъ; сдѣлаю все это еще въ Висбаденѣ. Можетъ быть, встрѣчу тамъ и Кобылина ⁷⁹⁾. Впрочемъ, не буду хлопотать объ этомъ. Черезъ полчаса долженъ явиться лон-кучеръ, который пошелъ отыскивать другихъ пассажировъ. Тогда я заплачу деньги.

Много потерялъ я въ удовольствiи, во времени и въ деньгахъ отъ того, что, по милости нѣмецкаго порядка, даромъ просидѣлъ часовъ пять-шесть. Впрочемъ, кто знаетъ, все къ лучшему, можетъ быть. Однако, я съ досады написалъ карандашемъ на стѣнѣ по-русски: „скверная гостиница; ужасный безпорядокъ“.

⁷⁹⁾ Можетъ быть, А. В. Сухово-Кобылинъ, впоследствии извѣстный авторъ „Свадьбы Кречинскаго“. Въ 1838 г. это былъ еще очень молодой человекъ, увлекавшiйся философiей Гегеля.

Франкфуртъ очень отличается отъ нашихъ городовъ, гораздо рѣзче, нежели Берлинъ, Дрезденъ и пр. Это — прекрасно выстроенный (хотя и не по моему вкусу), большой, многолюдный городъ; платье, приемы — все другое и все такъ живо, такъ движется. Впрочемъ, на обратномъ пути надѣюсь опять заѣхать во Франкфуртъ и осмотрѣть его и окрестности.

Вотъ, дражайшіе, милые мои родители, нѣсколько строкъ изъ Франкфурта, которыя, вѣроятно, пошлются изъ Майнца, если не изъ Висбадена. Не можетъ быть, чтобы я ничего не получилъ въ Базелѣ, но когда я найму себѣ домикъ недалеко отъ города (вѣроятно, Люцерна), то тогда буду получать аккуратнѣе письма. Изъ Базеля, вѣроятно, я поѣду тотчасъ въ Люцернъ.

Сейчасъ воротился лон-кучеръ: онъ нашелъ еще одного пассажира, но я все плачу 4 гульдена. Не понимаю: кажется, они обираютъ меня, эти нѣмцы.

Но прощайте, дражайшіе, милые родители мои. Изъ Висбадена надѣюсь написать вамъ письмо веселѣе и подробнѣе. Прощайте, крѣпко обнимаю васъ и цѣлую ваши ручки. Братевъ и сестеръ также. Прощайте еще разъ.

Вашъ Костенька.

XXVIII.

22 іюля
3 августа . Пароходъ на Рейнъ.

Я не успѣлъ, дражайшіе родители мои, послать письмо изъ Майнца. Боюсь, что вы станете беспокоиться. Письмо было совсѣмъ готово и запечатано даже: я отдаю его нести на почту, какъ мнѣ говорятъ, что я долженъ платить. „Сколько?“ спросилъ я.—Я не знаю.

Пароходъ уже стоялъ у берега, было некогда, и я рѣшился отправить письмо изъ ближайшаго города; но мнѣ не удалось отправить прежде Страсбурга.

Пароходъ былъ для меня совершенная новость. Пассажировъ было много; я еще прежде отдалъ нести мои вещи, а самъ съ своею блузой, въ которую также запрятаны книги, выбралъ себѣ мѣсто и сѣлъ.

Въ 4 часа сошелъ я въ каюту съѣсть что-нибудь. Каюта

прекрасная, столы, зеркала — краснаго дерева; незамѣтно почти ни малѣйшаго движенія, и можно совершенно забытья. Удивительно, необыкновенно, когда, выглянувъ въ окошко, видите вы пѣнистые валы, которые быстро, съ шумомъ несутся мимо.

Въ каютѣ пробылъ я недолго, и пошелъ опять наверхъ.

Горы тянулись по обѣимъ сторонамъ, солнце стало спускаться, облака ярко освѣтились, сдѣлались золотыми, и Рейнъ также. Я вспомнилъ стихи:

День багрянилъ, померкая,
Скатъ лѣсистыхъ береговъ;
Рейнъ, въ заревѣ пылая,
Пышенъ текъ между холмовъ.

Мы остановились въ Мангеймѣ; тамъ перешли мы на другой пароходъ, причемъ, какъ и всегда, я смотрѣлъ за своими вещами, милые родители мои.

Было уже совсѣмъ темно, когда мы отправились снова въ путь, и я не забуду этой ночи. Рейнъ утихъ совершенно; было такъ тепло. Небо то покрывалось облаками, то снова прочищалось сквозь облаковъ, то ярче, то блѣднѣе свѣтилъ мѣсяцъ, и отъ него протягивался серебряный столбъ, который напомнилъ мнѣ прудъ и ночи въ Богородскомъ⁸⁰⁾. О, если бы только тѣнь того, что было! Если бы настоящее не мѣшало отраднo вспоминать о прошедшемъ! Если бы утѣшиться, успокоиться съ этой стороны!

Я думалъ также, милые, дражайшіе родители, какъ я, пріѣхавъ, стану вамъ рассказывать,—я думалъ о васъ.

Нѣтъ, не проживу я долго здѣсь: не долѣе октября. Что-то скажетъ Швейцарія, къ которой, наконецъ, приближаюсь я? Я думалъ и о прошедшемъ, о прошедшемъ вообще, и мысли становились неопредѣленнѣе и переходили въ состояніе, въ которомъ мелькаютъ то тѣ, то другіе образы.

Такъ плыли мы, таковъ былъ Рейнъ съ берегами, совершенно въ немъ отражавшимися.

⁸⁰⁾ Мѣстность подъ Москвой, гдѣ семья Аксаковыхъ жила на дачѣ, и гдѣ Конст. Серг. въ 1836 г. провелъ лѣто въ обществѣ своей двоюродной сестры Маріи Григорьевны Карташевской, оставившее въ его сердцѣ неизгладимый слѣдъ.

Съ другой стороны, если взглянуть на нашъ пароходъ, то это было что-то фантастическое. Черный дымъ выходилъ изъ трубы и раскидывался по воздуху. Шумъ отъ колесъ, фонари на мачтѣ, отъ которыхъ падалъ невѣрный свѣтъ, и, наконецъ, кормщикъ, который стоялъ высоко назади корабля и казался ночью только черной фигурой. Изъ трубы вылетали иногда искры. Все это вмѣстѣ было такъ необыкновенно, такъ чудно, такъ ново для меня. Я не сошелъ въ каюту, и остался на палубѣ; стихи приходили мнѣ на умъ. Нѣкоторые пассажиры были тоже на палубѣ, другіе въ каютѣ, всѣ большею частью спали; наконецъ, и я заснулъ.

Это было вчера. Восхода солнца (я проснулся прежде) я не могъ хорошо видѣть: была туча. Сейчасъ мы опять высадили пассажировъ, и теперь на пароходѣ осталось немного. Я въ каютѣ пишу одинъ. Сейчасъ пришелъ англичанинъ и легъ. Ихъ было много, и они мнѣ понравились: всѣ бѣлокурые съ томными голубыми глазами, съ важностью и достоинствомъ на лицѣ, въ пріемахъ; но они напомнили мнѣ нашего Робертсона⁸¹⁾ своею молчаливостью и медленностью. Вообще они снятъ ужасно.

Но листочекъ къ концу. Прощайте, дражайшіе мои родители. Я здоровъ; о, дай Богъ, чтобы и вы были здоровы. Прошу васъ, будьте спокойны на мой счетъ. Крѣпко обнимаю васъ и цѣлую ваши руки. Братъевъ и сестеръ обнимаю.

Вашъ *Костенька*.

XXIX.

$\frac{25 \text{ іюля.}}{6 \text{ августа.}}$ Майнцъ на Рейнѣ.

Я сижу у окошка, милые, дражайшіе родители, а передъ моими глазами течетъ Рейнъ. Вечеръ. Тихо. И Рейнъ утихаетъ, и въ водахъ его начинаютъ неясно отражаться берега его, деревья, дома. Чудно. Я смотрю и люблюсь изъ своей комнаты. По Рейну плыветъ лодка; поднимается паръ.

Майнцъ мнѣ очень нравится, и въ немъ, можетъ быть, я пробуду долѣе. Кажется, съ десятью червонцами, которые у меня остались, можно доѣхать до Базеля.

⁸¹⁾ Кажется, преподаватель англійскаго языка въ Москвѣ, у котораго бралъ уроки и К. С. Аксаковъ.

Къ досадѣ своей, узнавъ я, что пароходъ ходитъ только до Страсбурга, а оттуда должно взять дилижансъ или ѣхать на лодкѣ.

Я бросилъ писать, милые, дражайшіе родители, чтобъ побродить по берегу Рейна въ такой прекрасный вечеръ. Сначала пошелъ я вдоль по берегу, около котораго стоятъ корабли. Рейнъ совсѣмъ утихъ, наконецъ. На другомъ берегу зажглись рыбацьи огни; на корабляхъ раздались разговоры. Я смотрѣлъ вдаль, гдѣ Рейнъ сливается съ отдаленными синѣющими горами. Я думалъ о томъ, гдѣ я, куда занесло меня, какъ далеко отъ моей родины, отъ васъ, милые, дражайшіе родители, отъ всего, что я люблю.

Какъ досадно мнѣ, что, подъ вліяніемъ моего непріятнаго и вмѣстѣ глупаго расположенія, я такъ мало обо всемъ освѣдомился!

Я оставилъ свой адресъ лон-бединтеру, чтобы пересылать ко мнѣ всѣ письма; но мнѣ кажется все это невѣрно; хочу писать отсюда хозяину гостиницы, гдѣ я остановился; также, на всякій случай, напишу во Франкфуртъ Станкевичу и его попрошу о томъ же. Нѣсколько разъ уже грусть подступала и подступаетъ ко мнѣ. Завтра, вставши пораньше, надѣюсь описать вамъ подробно дражайшіе, мои, милые родители, все свое путешествіе отъ Рудольфштадта до Майнца.

Я сейчасъ бродилъ по улицамъ, походивши вдоль по рейнскому берегу. Франкфуртъ, Висбаденъ и Майнцъ носятъ на себѣ отдѣльный общій отпечатокъ. Но обо всемъ завтра, дражайшіе родители мои. Крѣпко обнимаю васъ и цѣлую ваши ручки. Ахъ, когда-то получу я отъ васъ письма! Прощайте еще разъ, милые, дражайшіе родители мои.

Теперь утро, и не знаю, какъ быть: остаться ли здѣсь день, чтобы успѣть написать письма, или ѣхать скорѣе? Мнѣ-бы хотѣлось ѣхать скорѣе; но, если я поѣду нынче (пароходъ идетъ въ половинѣ двѣнадцатаго), то не только не успѣю осмотрѣть Майнцъ, но и написать письма. Рѣшаюсь то ѣхать, то остаться. Сейчасъ совсѣмъ было принялъ послѣднее рѣшеніе; но если бы можно было успѣть ѣхать нынче!..

Пишу коротенькое письмо къ вамъ, а это беру съ собой, чтобы продолжать на пароходѣ, если можно, и послать изъ Базеля.

Спѣшу осмотрѣть кое-какія достопамятности Майнца — и довольно.

Базель.

Вотъ письмо, милые, дражайшіе родители, которое я уже въ третій разъ принимаюсь продолжать, чтобы описать все то, что было со мною достопримѣчательнаго; но теперь, право, не до того.

Комнаты мои выходятъ на улицу; дождь льетъ, небо сѣро, громъ и молнія по временамъ, и мнѣ такъ грустно, такъ грустно...

Я пишу къ вамъ безпрестанно: вотъ уже 15-ое или 14-ое, я думаю, письмо; а отъ васъ, милые, дражайшіе родители, не получаю извѣстій отъ самаго Дрездена. Здѣсь пробуду я дня два; какъ бы хотѣлось дожидаться писемъ; но въ Люцернѣ уже надѣюсь непременно дожидаться, потому что на время сдѣлаюсь жителемъ его окрестностей.

Итакъ я — въ Швейцаріи, дражайшіе родители мои, недалеко отъ цѣли моихъ желаній; но я не знаю, найду-ли я здѣсь, чего мнѣ хочется, а хотѣлось бы мнѣ пожить среди швейцарской природы.

Я былъ въ Страсбургѣ, — слѣдовательно, во Франціи; разумѣется, мнѣ было очень интересно вступить на французскую землю, увидеть французовъ въ ихъ отечествѣ; обо всемъ этомъ я такъ много слыхалъ и читалъ; правда, Страсбургъ — полу-нѣмецкій городъ, но чиновники, солдаты и часть жителей — французы.

Не распространяюсь теперь въ подробностяхъ; скажу вообще, что Германія не только не проиграла, но выиграла въ моемъ путешествіи: узнавъ ближе нѣмцевъ, я больше полюбилъ ихъ. Что касается французовъ, то, напротивъ, я теперь о нихъ гораздо хуже думаю, нежели прежде, и еще болѣе увѣрился во всѣхъ недостаткахъ, которые находилъ въ нихъ и прежде⁶². Съ этимъ-же письмомъ посылаю я письмо, на-

⁶²) На сужденія К. С. Аксакова о французахъ и нѣмцахъ вліяли съ одной стороны мнѣнія строго патріархальной, кристально правдивой, русской семьи стараго уклада (главнымъ образомъ отца, поклонника Шишкова), и зачинавшася и формировавшася тогда въ Москвѣ кружка славянофиловъ, съ другой — увлеченіе нѣмецкою поэзіей (Шиллеръ) и философіей (Гегель) кружка Станкевича и Бѣлипскаго, съ которымъ соприкасался и къ которому до нѣкоторой степени примыкалъ К. С. Аксаковъ въ годы своего студенчества.

писанное мною во Франкфуртѣ и другое на Рейнскомъ парходѣ.

Вчера пришли ко мнѣ французы и долго просидѣли.

Милые родители мои, теперъ, наконецъ, принимаюсь описывать вамъ все, что было со мной, начиная съ Рудольфштадта, гдѣ я остановился.

Отправивъ письмо на почту, я пошелъ отыскивать ранѣе нѣмца Ринке, съ которымъ познакомился въ дилижансѣ: это—простой торговецъ бумажными издѣліями; у него есть своя лавочка. Онъ обрадовался, увидавъ меня; спросилъ, надолго ли я пріѣхалъ, и, узнавъ, что я ѣду нынче же, сталъ меня упрашивать остаться до завтра. Я говорилъ ему, что у меня уже билетъ взять отсюда прямо въ Готу. Но онъ сказалъ, что билетъ можно перемѣнить и взять вмѣсто него билетъ на завтрашній дилижансъ въ Веймаръ, что дорога до Готы скверная и пр. и пр. Онъ повелъ меня въ книжную лавку, гдѣ познакомилъ съ своимъ пріятелемъ, книгопродавцемъ Рейсфатомъ, человѣкомъ очень порядочнымъ.

— Вотъ иностранецъ,—сказалъ ему Ринке,—который пріѣхалъ сюда, чтобы лобывать на „Шиллеровой горѣ“ („Schillers Höhe“—такъ называютъ они гору, гдѣ сиживалъ Шиллеръ) и взглянуть на тѣ мѣста, гдѣ онъ жилъ и писалъ свои сочиненія.

Рейсфатъ сталъ также меня упрашивать остаться до завтра, и я, наконецъ, согласился. Билетъ перемѣнили, и мы втроемъ отправились на „Шиллерову гору“. Рудольфштадтъ лежитъ въ прекрасной долині, между горъ; день былъ прекрасный, дорога шла мимо поля, и мнѣ было такъ весело, такъ пріятно идти; наконецъ, подошли мы къ прекрасной горѣ и вошли по тропинкѣ на маленькую площадку, съ которой открылся прекрасный видъ: у самой горы течетъ рѣка Сала, на другомъ берегу—селеніе, вправо—поля, нивы, далѣе горы. Видъ прекрасный. Такъ мирно и тихо вокругъ. Здѣсь-то стоялъ Шиллеръ, тутъ испытывалъ онъ тѣ впечатлѣнія, которыя производитъ на насъ природа.

— Видите домикъ за церковью? спросилъ меня Ринке.—Этотъ домикъ принадлежалъ Шиллеру. Бюсть его—дальше на нѣсколько шаговъ отъ площадки, гдѣ мы стоимъ.

Мы пошли нѣсколько далѣе, и на утесѣ увидали бюсть Шиллера. Утесъ обсаженъ розами. Мнѣ было такъ пріятно,

что я бы долго здѣсь остался, если бы былъ одинъ. Въ это время мнѣ бы хотѣлось избавиться отъ присутствія этихъ добрыхъ людей, которые, какъ святыню, благоговѣнно чтятъ память Шиллера, но, разумѣется, не могутъ понять всей глубины души его. Но что было со мной, когда, подошедши, прочелъ я стихи Шиллера, написанные золотомъ подъ его бюстомъ! Эти стихи выговорили почти все то, что меня такъ часто наполняетъ—и наполняло именно въ эту минуту. Не знаю, милые родители, съумѣю ли я перевести всю простоту этихъ словъ, всю ихъ поэзію, но постараюсь. Вѣрочка найдетъ эти стихи въ стихотвореніи Шиллера „Spaziergang“. Вотъ стихи ⁸³⁾.

Потомъ поднялись мы выше, туда, гдѣ выстроена бесѣдка. Тамъ нашелъ я много именъ и написалъ свое. Наконецъ, мы пошли домой; но я рѣшился придти сюда одинъ еще разъ; мнѣ было такъ досадно, что я остался до завтра; но дѣлать было нечего.

Поѣвши, отправился я опять къ Ринке, который звалъ меня на чашку кофе. Онъ объявилъ мнѣ, что у него есть три вещи, принадлежавшія Шиллеру: столъ, рисунокъ и чашка, изъ которой Шиллеръ обыкновенно пилъ; все это получилъ онъ отъ дочери Шиллера, которую какъ-то имѣлъ случай одолжить по дѣламъ. Я пришелъ къ нему. Подали кофе и чашку Шиллера. („Я берегу ее,—сказалъ Ринке,—она никогда не бываетъ въ употребленіи; но для васъ мы нальемъ въ нее кофе, и вы будете пить изъ чашки, изъ которой пилъ Шиллеръ“). Итакъ, милые, дражайшіе родители, я пилъ кофе изъ Шиллеровой чашки и видѣлъ столъ его,—этого я даже не ожидалъ. Потомъ Ринке пошелъ ходить со мной по городу и показалъ замокъ на горѣ, съ которой прекрасный видъ.

Рудольфштадтъ — прекрасный городокъ; вокругъ — рощи, горы, сады,—и, право, здѣсь можно бы поселиться на время и тихо, тихо проводить жизнь свою.

Но вотъ стихи, которые я написалъ такъ неразборчиво, что переписываю ихъ здѣсь. Чудесные стихи!

⁸³⁾ Далѣе слѣдуетъ переводъ К. С. Аксаковымъ стихотворенія Шиллера. Переводъ этотъ зачеркнутъ, и сбоку сдѣлана приписка: „Я написалъ такъ скверно, что долженъ переписать“. На слѣдующей страницѣ находимъ этотъ переводъ тщательно переписаннымъ.

Точно ль я снова одинъ, въ твоихъ объятяхъ, у груди, природа, твоей?

Чистъ твой алтарь, и съ него я чище жизнь принимаю.
Вновь добрый духъ нахожу юности, полной надеждъ.
Вѣчно воля мѣняется и цѣль и законы, и, вѣчно
Повторяясь, кружатся людскія дѣянья вокругъ.
Но, младая, всегда, всегда въ красотѣ разнообразной,
Чтишь ты, благая природа, свято древнїй законъ.
Вѣчно та же: для мужа ты вѣрно то бережешь,
Что тебѣ юноша, что тебѣ ввѣрилъ рѣзвый ребенокъ.
Многоразличные возрасты на той-же груди ты питаешь,
Подъ той-же лазурью, на тѣхъ-же зеленыхъ лугахъ.
Близкія бродятъ и бродятъ далекія всѣ поколѣнья,
И Гомерово солнце, смотри, оно свѣтитъ и намъ.

Продолженіе письма будетъ въ Люцернѣ, милые, дражайшіе мои родители.

Въ октябрѣ или ноябрѣ я—въ Москвѣ, съ вами опять, дома. Всего вѣроятнѣе, что я не поѣду въ Парижъ, ибо о французахъ несравненно хуже думаю, нежели прежде. Вчера мнѣ было тоже очень грустно;
. (не *разобрано*).

— У насъ нынче собраніе,—сказалъ мнѣ Ринке,—я васъ поведу туда, и вы увидите, какъ веселятся жители нашего городка.

— Но я въ сюртукѣ.

— Ничего: вы—путешественникъ; къ тому-же, кто не танцуетъ, тотъ имѣетъ право быть въ сюртукѣ.

Я согласился идти. Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ интересно было увидѣть поближе этихъ нѣмцевъ; я уже вошелъ нѣсколько въ ихъ домашнюю жизнь, простую, веселую и мирную. Ринке хотѣлъ познакомить меня съ однимъ нѣмцемъ, который жилъ 20 лѣтъ въ Россіи и до сихъ поръ бредитъ ею; мы не застали его дома, но узнали, что онъ будетъ вечеромъ въ собраніи. Наконецъ, часовъ въ 8 отправились мы туда. Зала была уже полна, музыка играла вальсъ, и нѣмцы кружились; много прекрасныхъ лицъ видѣлъ я; всѣ танцовали отъ души только одинъ вальсъ. Ринке подвелъ меня къ тому нѣмцу, о которомъ говорилъ. Я заговорилъ съ нимъ по-русски, и онъ, въ самомъ дѣлѣ, обрадовался чрезвычайно и отвѣчалъ мнѣ по-русски же. Было нестерпимо жарко, и потому мы вышли изъ собранія и пошли бродить по городу, а потомъ за городъ. Ночь была чудесная; вокругъ Рудольфштадта

было много садовъ и аллей, и мнѣ становилось все грустнѣе и грустнѣе. Наконецъ, нѣмецъ мой ушелъ опять въ собраніе. Я остался одинъ, и тутъ мнѣ стало ужасно грустно и, наконецъ, даже страшно: мрачныя мысли приходили мнѣ въ голову; я думалъ о васъ, милые, дражайшіе родители. Я думалъ: да кто же велѣлъ мнѣ вѣхать прочь изъ своей родины? Съ такими мыслями пошелъ я домой, но нашелъ тѣ же мысли и дома, и, желая какъ-нибудь вырваться изъ тяжкаго состоянія, пошелъ опять въ собраніе, отыскалъ комнату похолоднѣе и сѣлъ тамъ съ нѣмцемъ, который былъ въ Россіи, имя котораго я забылъ,—положимъ Н. Онъ подвелъ ко мнѣ сестру Крича⁸⁴⁾, который живетъ у насъ, въ Москвѣ. Она стала говорить со мною, спрашивать о братѣ (о которомъ я не могъ ничего сказать) и, наконецъ, о Москвѣ.

— Какъ нравится вамъ Рудольфштадтъ?—спросила она.

— Прекрасный городокъ,—отвѣтилъ я,—какъ весело, какъ пріятно можно жить здѣсь!

— Не стыдно-ли же моему брату, что онъ забылъ нашъ милый Рудольфштадтъ, свою родину!

— Признаюсь,—сказалъ на это я,—что мнѣ уже хочется воротиться въ свою.

— Видите, а онъ уже 20 лѣтъ въ Россіи!

— Г-жа Гейчъ (фамилія сестры Крича, которая уже вдова) просила меня завтра на чашку кофе послѣ обѣда, а Н. просилъ меня придти къ нему для того же по-утру. Разговоръ, шумъ, блескъ нѣсколько развлекли меня, и, пришедши домой въ 11 час., я уснулъ нѣсколько спокойнѣе. Ринке проводилъ меня до дому, и, такъ какъ онъ долженъ былъ рано поутру вѣхать, то простился со мной здѣсь.

— Можетъ быть, мы никогда не увидимся,—сказалъ онъ,—желаю отъ души вамъ добраго пути и всего хорошаго.

Въ самомъ дѣлѣ, это было отъ души, я видѣлъ; онъ просилъ меня придти къ его женѣ и написать свое имя ему на память.

На другой день пошелъ я къ Н. Онъ сидѣлъ у окна и дожидался меня, познакомилъ съ своей женой, которая при-

⁸⁴⁾ Не знаемъ, вполне ли точно разобрана эта фамилія, и кто именно былъ этотъ одинъ изъ знакомыхъ семей Аксаковыхъ московскихъ нѣмцевъ.

несла кофе и потомъ завтракъ; тутъ-же пришелъ молодой человѣкъ, который изучаетъ геологію. Мы позавтракали, и потомъ Н. повелъ меня за городъ, чтобы показать окрестности Рудольфштадта.

— Я было совсѣмъ хотѣлъ воротиться опять въ Россію,—сказалъ онъ,—но меня удержало здѣсь одно мѣсто, которое я купилъ и которое я такъ полюбилъ, что не могъ съ нимъ разстаться; потомъ я женился и тогда уже рѣшительно остался здѣсь; я вамъ покажу это мѣсто.

Мы вышли за городъ. Я все больше и больше любовался окрестностями Рудольфштадта. Прошедши съ версту, Н. повелъ меня на гору и привелъ къ маленькой комнаткѣ, крѣпко выстроенной и совершенно закрытой деревьями.

— Вотъ мѣсто, которое меня удержало. Я самъ здѣсь все устроилъ; я люблю копаться около ручья, сажать деревья, и вотъ видите: здѣсь провелъ я маленькій ручеекъ и сдѣлалъ мѣстечко для птицъ; онѣ прилетаютъ сюда пить воду и купаться, а я смотрю отсюда изъ своей комнатки въ эту щелку, которую я нарочно для того сдѣлалъ; я люблю здѣсь быть одинъ.

Въ самомъ дѣлѣ, тамъ было прекрасно: такъ тихо; ручей журчалъ такъ однообразно и грустно; видъ на долину былъ такъ хорошъ, что я невольно засидѣлся и просидѣлъ бы еще дольше, можетъ быть, но Н. сказалъ мнѣ:

— Пойдемъ же вышѣ; вся часть горы принадлежитъ мнѣ.

Гора была довольно высока; взошедши шаговъ на двадцать, мы остановились и сѣли на скамейку. Видъ открывался здѣсь обширнѣе. Была совершенная тишина.

— Я боюсь одного,—сказалъ мнѣ Н.,—когда я состарѣюсь то буду не въ состояніи всходить на гору; впрочемъ, шагъ за шагомъ будетъ можно.

Ему и теперь 60 лѣтъ, но онъ бодръ и здоровъ. Онъ показалъ мнѣ всю свою гору и грядки, которыя выкопалъ. Наконецъ, возвратились мы въ Рудольфштадтъ.

Какъ прямо шли въ душу мнѣ всѣ такія впечатлѣнія, какъ полюбилъ я добрыхъ этихъ нѣмцевъ! Чувство природы—первое чувство, которое пробуждается въ человѣкѣ. Вотъ этотъ нѣмецъ—онъ совсѣмъ не дальняго ума, совсѣмъ не развитъ, но, подъ благимъ вліяніемъ своего отечества, какъ сильно, какъ свято сочувствуетъ онъ природѣ; какъ

просты слова его, какъ истинны они! и въ эту минуту мы стояли съ нимъ на одной степени и понимали другъ друга. Германія лучше, нежели я воображалъ.

— Вы у меня отобѣдаете,—сказалъ мнѣ Н.

— Съ большимъ удовольствіемъ,—отвѣчала я,—но прежде мнѣ нужно зайти домой и сходить на Шиллерову гору.

— Я пойду съ вами.

— Зачѣмъ? вы устали. Я приду къ вамъ въ назначенный часъ.

Итакъ я пошелъ одинъ; одинъ былъ тамъ, смотрѣлъ на прекрасныя мѣста вокругъ, думалъ и, наконецъ, пошелъ къ Н.

Когда мнѣ становится грустно или когда благое впечатлѣніе волнуетъ меня, то все, все, что занимаетъ меня, соединяется въ общемъ чувствѣ. Такъ было со мною уже нѣсколько разъ въ Германіи. Благослови, Господи, мою внутреннюю жизнь, пусть она развивается и принесетъ плоды.

Я пришелъ нѣсколько поздне. Жена нѣмца Н. сама, разумѣется, приготовила вкусный обѣдъ. Я поѣлъ очень сытно за тихимъ дружелюбнымъ обѣдомъ; потомъ, простившись съ женой Н., пошелъ въ домъ Ринке, гдѣ написалъ свое имя. Оттуда пошелъ я въ гостиницу, расплатился, взялъ вещи, отнесъ на почту и пошелъ къ сестрѣ Крича, г-жѣ Гейчъ; туда хотѣлъ придти и Н.

Здѣсь встрѣтилъ я то же радушіе и довольство. Тутъ же живетъ и ея пасынокъ, умный, дѣловой малый, который занимается торговлей. Они подробно спрашивали меня о Москвѣ, о Россіи. Я напилъ кофе, потомъ закусилъ: нельзя же было отказываться.

Наконецъ, коляска была готова. Пасынокъ Гейчъ налилъ стаканъ вина и сказалъ:

— За здоровье всѣхъ добрыхъ русскихъ!

— И нѣмцевъ также,—сказалъ я.

Всѣ, и дамы и мужчины, чокнулись, и я отпилъ нѣсколько изъ своего стакана, простился съ добрыми своими новыми знакомыми, которые дружески пожелали мнѣ добраго пути, также съ Н., который былъ тутъ же, и пошелъ садиться въ дилижансъ. Гейчъ-братъ, книгопродавецъ, ѣхалъ тоже со мною; всѣ вышли на улицу проводить меня. Наконецъ, дилижансъ тронулся; нѣмцы мнѣ кланялись, я — тоже; желали.

чтобъ я не забылъ Рудольфштадта. Я поѣхалъ въ пріятномъ расположеніи духа и, вѣрно, не забуду маленькаго Рудольфштадта, столицы Шварцбургъ-Рудольфштадтскаго княжества.

Но прощайте, дражайшіе родители мои, до Люцерна, куда я отправляюсь нынче. Прощайте. Крѣпко обнимаю васъ.

Вашъ *Костенька*.

Боже мой, скоро ли получу отъ васъ письма?

Сообщилъ *Анатолій Александровъ*.

(Продолженіе слѣдуетъ).
